

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2006 г. В. Г. КУЗНЕЦОВ

**Ф. ДЕ СОССЮР И А. СЕШЕ. МЕСТО РАБОТЫ А. СЕШЕ
“ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ”
В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Статья посвящается работе А. Сеше “Программа и методы теоретической лингвистики” (1908), которая должна занять достойное место в истории языкознания. В этой работе, опубликованной за восемь лет до издания “Курса общей лингвистики” Соссюра, были сформулированы такие фундаментальные понятия, как язык и речь, синхрония и диахрония, произвольность знака, понятия значимости и системы. Более того, в самом начале XX века А. Сеше предвосхитил проблематику, получившую развитие значительно позже.

Альбер Сеше (1870–1946) – основатель, наряду с Ш. Балли, Женевской лингвистической школы, – широко известен как один из издателей “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра, лекции которого слушал с 1891 по 1893 гг. С 1893 г., предположительно по совету Соссюра, Сеше продолжил образование в престижном в то время Лейпцигском университете. Уже в своей докторской диссертации, посвященной истории французского сослагательного наклонения [Sechehaye 1902], Сеше разработал, очевидно, не без влияния идей Соссюра, революционный для того времени подход: исследование синтаксических диахронических фактов с позиции системы.

В дальнейшем вся научная жизнь Сеше была связана с Женевским университетом. Он стал первым председателем созданного в 1940 г. Женевского лингвистического общества. Сеше много сделал для пропаганды и популяризации учения Соссюра. Поэтому его по праву можно считать основателем “соссюрологии” – направления, которое в дальнейшем было развито представителями Женевской школы – Р. Годелем, Р. Энглером и Р. Амакером. Помимо методологических проблем общей лингвистики Сеше успешно занимался теорией грамматики (основная работа “Очерк логической структуры предложения” [Sechehaye 1926]), а также вопросами связи лингвистической теории с общественной языковой практикой.

Малоизвестно, что Сеше был не только крупным ученым, но и общественным деятелем. Являясь главным редактором журнала “Эссор” (Essor), он выступал с публицистическими статьями об опасности фашизма для народов Европы. В качестве председателя Швейцарского комитета за посредничество и гражданский мир в Испании Сеше активно выступал в поддержку справедливой борьбы испанских патриотов. О высоком гражданском мужестве Сеше свидетельствует его выступление в 1937 г. на страницах прессы против присуждения Муссолини степени почетного доктора. В 1942 г., в разгар Второй мировой войны, Сеше вступил в движение “Новое демократическое действие”.

В отличие от Ш. Балли круг научных интересов А. Сеше во многом сформировался под влиянием Соссюра. Это проявилось в его первой крупной работе “Программа и методы теоретической лингвистики” [Sechehaye 1908], которой посвящена данная статья.

Опубликованная за восемь лет до издания “Курса общей лингвистики” Соссюра работа Сеше [Sechehaye 1908] представляет большой интерес в двух отношениях. Во-первых, в ней содержатся, а иногда и излагаются более глубоко многие положения учения Соссюра. Во-вторых, она представляет собой попытку построения теоретической лингвистики в период, когда эта наука была преимущественно эмпирической. Даже позже в эпоху, когда Соссюр читал свой курс по общему языкознанию, “лингвистика занималась исключительно изучением языковых изменений под физиологическим и психологическим углом зрения. Всякий иной подход рассматривался как невежество или диалектизм” [Ельмслев 1965: 111].

На предвосхищение идей Соссюра обратили внимание многие лингвисты (Ш. Балли, Р. Якобсон, М. Леруа, П.Я. Черных). Интересно замечание Г. Шухардта о том, что многое из того, что у Соссюра кажется неясным, находит разъяснение в работе Сеше “Программа и методы теоретической лингвистики” [Шухардт 1950: 185].

В более позднее время историк науки о языке из ФРГ П. Вундерли выступил на международном коллоквиуме в Трире в 1975 г. с докладом, смысл которого заключен в его названии “Соссюр как ученик Сеше?” [Wunderli 1976]. Но канадский лингвист Э.Ф.К. Кёрнер, внесший большой вклад в “соссюрологию”, выразил несогласие с мнением Вундерли. Как будет показано ниже, влияние Соссюра на Сеше преобладало гораздо в большей степени.

В посвящении Сеше подчеркивал, что именно Соссюр пробудил в нем интерес к общим проблемам лингвистики и именно ему он “обязан теми принципами, которые осмещали... путь к научным исследованиям” [Сеше 2003: 34]. При этом Сеше замечает, что хотя впоследствии его мысль стала развиваться в собственном направлении, “на каждой странице этой книги он старался заслужить” одобрение Соссюра. Там же отмечается, что Соссюр прочитал книгу в рукописи и поддержал своего ученика.

До выхода книги Сеше Соссюр прочитал только первый из трех курсов общей лингвистики. Однако, как показали исследования личных записей и заметок Соссюра, проведенные Р. Годелем, Р. Энглером и Р. Амакером, вопросы общей лингвистики являлись предметом размышлений Соссюра задолго до того, как он приступил к чтению лекций. А. Сеше вспоминал, что еще в 1891 г. в лекциях по морфологии в Парижской высшей школе практических знаний Соссюр уделял пристальное внимание различению синхронических и диахронических фактов [Godel 1957: 33]. По свидетельству самого Соссюра, он начал заниматься проблемами общей лингвистики до 1900 г., точнее к 1894 г. [там же]. Более того, понятие системы присутствовало в его знаменитом “Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках” (1879). Идеи системы в синхронии и диахронии излагались Соссюром и в лекциях по индоевропеистике, которые Сеше посещал с 1891 по 1893 гг. Р. Гodel пишет: «В общих чертах доктрина Соссюра сформировалась гораздо раньше 1900 г., а в записях А. Ридлингера даже указана точная дата “15 лет назад”, сказал сам Соссюр в январе 1909 г.» [Godel 1957: 31]. Балли упоминал в 1913 г. о беседах с Соссюром на эти темы, состоявшиеся более 20 лет назад [Bally 1913]. Таким образом, идеи Соссюра стали известны Сеше из трех источников: “Мемуара”, лекций и особенно из личных бесед.

Основанием для построения теоретической лингвистики у Сеше служат, с одной стороны, классификация наук, а с другой, – психология. Последняя фигурирует и в полном названии книги [Сеше 2003]. В конце XIX– начале XX в. разные разделы языка тяготели либо к психологии, физиологии, либо к логике. Морфология – к психологии, фонетика – к физиологии, синтаксис – к логике, что проявляется в работе Сеше.

Вопросу классификации наук в начале XX в. уделялось большое внимание. Об этом свидетельствует популярная в то время работа А. Навиля “Новая классификация наук. Философское исследование” [Naville 1901]. Этот ученый был родственником Ф. де Соссюра, и последний написал для этой книги одну страницу о семиологии, по всей видимости, не привлекая внимания Сеше.

Современную ему лингвистику Сеше характеризует, пользуясь терминологией Навиля, как науку фактов. Она накопила большое количество важных фактов, но не в состо-

янии их объяснить. Так, историческая лингвистика описала процесс звуковых изменений в языках или группах языков, но не может представить причины этих изменений. А лингвистическая наука в целом ничего не говорит о закономерностях, присущих языку, и законах его функционирования. Сеше даже считал, что лингвистика мало продвинулась в решении этих вопросов со времен Аристотеля. Исключение составляют лишь попытки В. Гумбольдта построить теорию языка.

Сеше выдвигал в качестве задачи теоретической лингвистики дополнить науку фактов наукой законов. При этом он подчеркивал их взаимосвязь, “поскольку исторические факты составляют материал науки законов, существующей только ради них” [Сеше 2003: 38]. “Теоретическая лингвистика соединяет подобное и только ее выявляет постоянные отношения, поднимаясь индуктивно от частных фактов к высшим принципам и дедуктивно спускаясь от них к отдельным фактам, объясняя их как обязательное проявление этих принципов в данных условиях” [там же: 65]. В отличие от фактов, существующих во времени – прошлом или настоящем, источники, устанавливаемые наукой законов, “не имеют ни даты, ни привязки к месту, они всегда и везде верны”. Другими словами, закономерности, устанавливаемые теоретической лингвистикой в понимании Сеше, должны носить универсальный и панхронический характер. Здесь чувствуется влияние традиций французской лингвистики с ее логическим, рационалистским картезианским подходом к языку со времен Пор-Рояля.

Сам Соссюр, ставя вопрос о возможности изучать язык с панхронической точки зрения, ограничивал ее только общими принципами. “В лингвистике, как и в шахматной игре, есть правила, переживающие все события. Но это лишь общие принципы, не зависящие от конкретных фактов...” [Соссюр 1977: 128]. Панхроническая точка зрения, считал Соссюр, предполагает выход за пределы лингвистики, поскольку “в панхронии речь идет только об обобщениях” [Englet 1968: 38]. Таким образом, в этом отношении Сеше сближается не только с Соссюром, но и, как будет показано ниже, с Л. Ельмслевым.

Тематика книги Сеше была необычна для современной ему западноевропейской лингвистики. Эту новизну отметил Соссюр в своей неоконченной рецензии [Соссюр 1990].

Соссюр, будучи философом языка, не мог не задуматься о месте лингвистики среди других наук. В упоминавшейся работе А. Навиля Соссюр определяет лингвистику как часть “очень общей науки, которая называется семиологией, и предметом которой должны быть законы создания и преобразования знаков и их смыслов” [Naville 1901: 104]. Признавая, что “в языке все психологично”, он признавал связь лингвистики с психологией через семиологию. В связи с этим он критиковал в рецензии Сеше, рассматривавшего лингвистику “как простое ответвление... индивидуальной или когнитивной психологии”. “Если действительно хотят создать Психологию языка..., то существует настоятельная необходимость прежде всего соотнести лингвистику с другими науками, которые представляют для нас интерес: например, лингвистика и социальные науки..., чтобы с самого начала было известно, в какой мере можно сюда привлечь и психологию” [Соссюр 1990: 167]. Лингвистика не является психологической наукой уже в силу того, что “психологи никогда не учитывали фактор времени” [там же: 196]. Психология может заниматься языковой “материей”, но не с точки зрения лингвистики, поскольку она не способна распознать объект последней – языковой знак в единстве его сторон. В заключении рецензии Соссюр пишет: “я должен еще раз сказать, что оправданное или неоправданное вхождение лингвистики в психологию не освобождает лингвиста от обязанности выявления того, чем лингвистика отличается от психологии” [там же: 169]. Отметим, что в последующих работах Сеше учел критику Соссюра: “Психологическое определение, которое является ошибочным, потому что опирается на неверную концепцию языка как психологической реальности, нужно заменить определением социологическим, согласующимся с признанным фактом подлинной природы языка” [Sechehay 1942: 49].

Оценивая современное ему языкознание начала XX в., Сеше писал, что “теоретическая наука, которая ни в чем не помогает практике, не только не опережает, а плетется

за ней; такая наука рискует дискредитировать себя как наука бесполезная” [Сеше 2003: 43]. Фундаментом для построения теоретической лингвистики должна стать психология, поскольку “язык есть психическая деятельность человека, которая осуществляется посредством его организма” [там же: 45]. Здесь проявляется влияние В.Вундта, предложившего общую классификацию наук. Он делил все науки на две основные группы: науки о материальном мире (естественные науки) и науки о духовном мире (гуманитарные науки). К последним Вундт относил и филологические науки. Центральной наукой он считал психологию, которая должна занимать промежуточное положение между естественными и гуманитарными науками, объединяя их друг с другом.

Высоко отзываясь о вкладе Вундта в разработку фундамента теоретической лингвистики, Сеше в то же время критикует его за недостаточный учет лингвистического аспекта языковых явлений. “Суть критики, которую мы считаем необходимым высказать в адрес Вундта можно выразить несколькими словами: ...он не понял важности грамматического аспекта” [Сеше 2003: 50]. Под “грамматикой” Сеше понимал системно-структурную организацию языка. “Объектом грамматической проблемы является... сам язык как таковой, лингвистический организм...” [там же]¹. Здесь намечено выделение того, что получило название “язык” в теории Соссюра. Сам Соссюр считал, что Сеше не до конца пошел в этом направлении: “В общем г-н Сеше, справедливо упрекнув Вундта за игнорирование грамматики, сам недостаточно полно представляет ее проблемы. Ибо основная идея заключается в том, чтобы представить грамматический факт довлеющим самому себе, показать, чем он отличается от любого другого психологического или логического факта” [Соссюр 1990: 168].

Осознавая сложность построения теоретической лингвистики, Сеше отмечает, что его задача “лишь наметить программу. Создать ее целиком – дело более долгое... Однако всегда полезно наметить хорошо продуманный и обоснованный точными расчетами план” [Сеше 2003: 64]. Он разграничивает в языке два аспекта: устойчивый грамматический элемент, относящийся к ведению коллективной психологии, и внеграмматические элементы, не подчиняющиеся конвенциональным правилам и относящиеся к индивидуальной психологии.

Основываясь на работе А. Навиля [Neville 1901], Сеше разработал оригинальный метод включения одних лингвистических дисциплин в другие. “В соответствии с этим принципом различные науки *включаются* одна в другую, а проблемы рассматриваются последовательно в определенном порядке, распределяясь таким образом, что решение первой проблемы подготавливает решение второй, представляя для этого необходимый элемент” [Сеше 2003: 70]. Здесь, несомненно, чувствуется влияние Декарта. “Задача индукции состоит именно в том, чтобы с использованием абстрагирования восходить от одного уровня к другому, от более частного к более общему..., а дедукция синтезирует, используя те же абстракции, только в обратном направлении” [Сеше 2003: 71].

Таким образом, понятие “вхождение” у Сеше основано, с одной стороны, на системных связях между разными разделами языка, а с другой, – на отношениях дедукции. В целом отзываясь одобрительно о теории Сеше вхождения одной науки в другую, которую Соссюр называет “вторым тезисом г-на Сеше по поводу общей классификации наук наряду с теми положениями, которые составляют его Психологию языка”, ему представляется странным, что “каждое подразделение лингвистики... выводится дедуктивным путем, и этот дедуктивный путь представляется достаточным для целей классификации” [Соссюр 1990: 168–169].

Сеше предложил три критерия, на основе которых одна наука включается в другую: 1) “факты, которыми занимается наука, включающая другую науку, должны быть доступны осмыслению” [Сеше 2003: 73], т. е., говоря другими словами, могут быть абстрагированы. 2) 2-й критерий реализуется в отдельных случаях, часто он включается в 1-й:

¹ Согласно Соссюру, “любая структура, любая система, предполагающая элементы в их современном состоянии, есть грамматика” [Engler 1968: 26].

“Это всего лишь перенос в конкретное, в природу первого признака” [там же: 74]. 3) “...наука, включающаяся в другую, всегда изучает более сложные явления и чаще всего более конкретные, чем наука, которая ее включает” [там же: 75]. Исходя из этих критериев, Сеше включает коллективную психологию в индивидуальную.

Очевидно, под влиянием Вундта и исследований по психологии детской речи французских и швейцарских ученых, популярных во время написания работы, Сеше выделяет “дограмматичный” и “грамматичный” язык. Это выделение играет важную методологическую роль в лингвистической концепции Сеше.

Грамматический язык Сеше определял как “продукт действия коллектива, носящий характер условного правила” [Sechehaye 1908: 78]. Грамматическому как принадлежности языкового коллектива предшествует так называемый “дограмматический язык” (le langage prégrammatical), характеризующийся самопроизвольностью, спонтанностью, индивидуальностью и неконвенциональным характером связи между выражением и содержанием. В более поздней работе “Очерк логической структуры предложения”, вернувшись к этому вопросу, Сеше определяет “дограмматическое” как “свободное и спонтанное выражение, предшествующее любой условной (языковой) организации” [Sechehaye 1926: 219]. Понятие “дограмматический язык”, отмечает Сеше, является скорее абстракцией, так как трудно наблюдать языковой акт, в котором не было бы социально обусловленной связи в употребляемых средствах выражения. Даже инстинктивный, естественный крик, например, крик боли, в известной мере, конвенционален (характеризуется стереотипностью).

В наибольшей мере к гипотетическому “дограмматическому языку” приближается, по мнению Сеше, детский язык, особенно на тех стадиях, когда ребенок начинает говорить. В этот период ребенок широко использует звукоподражательные слова, жесты; мысль выражается односложными словами или простым соположением слов.

Можно выделить следующие признаки, служащие Сеше для противопоставлений “дограмматического языка” и “грамматически организованного языка”:

Дограмматический язык

1. Индивидуальный
2. Явление в развитии
3. Несистемный
4. ИмPLICITный характер выражения
5. Связь между выражением и содержанием неконвенциональна
6. Аффективный

Грамматически организованный язык

1. Коллективный
2. Продукт развития
3. Системный
4. Эксплицитный характер выражения
5. Связь между выражением и содержанием конвенциональна
6. Интеллектуальный

Р.О. Шор справедливо отмечала, что различие дограмматического и грамматического языка Сеше кладет в основу своего построения теоретической лингвистики [Шор 1927: 53]. По мнению Сеше, теоретическая лингвистика должна состоять из двух основных частей. В задачу первой части, относящейся к индивидуальной психологии, входит изучение “дограмматического языка”. Учение об организованной речи Сеше относит к области коллективной психологии.

“Дограмматическое” и “грамматическое” в языке Сеше рассматривает не как взаимообусловленные явления, а с точки зрения их следования: “дограмматическое” необходимым образом предшествует “грамматическому” и служит для него своеобразной средой. Любое грамматическое явление, по мнению Сеше, имеет индивидуальное происхождение, формируется на базе до-, или внеграмматического акта и превращается со временем в грамматику. Процесс взаимодействия между “дограмматическим” и “грамматическим” в языке протекает постоянно.

В учении Сеше о дограмматическом и грамматическом языке содержится идея разграничения индивидуального и социального, эволюции и статики, эволюционный подход перекликается с генетическим. В то же время эти идеи Сеше предвосхищают сосюровские дихотомии языка и речи, синхронии и диахронии.

Итак, “дограмматическое” у Сеше – это сфера индивидуального со всеми присущими ей свойствами, “грамматическое” – это сфера коллективного, выступающее как обезличенное, абстрагированное от конкретного индивида. В дограмматическом языке индивид создает знаки², которыми он выражает душевные состояния; в грамматическом же он воспроизводит знаки, употребляемые другими. Но в последнем случае мы имеем дело не с собственно знаками, а с символами. Понятие символа Сеше восходит не к Соссюру, а к Аристотелю. Символ имеет две стороны: знак и значение, обе идеальной природы. Как только образовалась двусторонняя связь, вместо знака мы имеем символ, т.е. понятие знака, которое ассоциируется с понятием значения, что может быть представлено формулой: понятие $a = \text{знак } b$, “отсюда происходит любая грамматика” [Сеше 2003: 108].

В отличие от Вундта Сеше настаивает на тесной связи двух сторон символа. Такой подход можно объяснить, с одной стороны, знакомством со взглядами Гумбольдта, а с другой, – личными беседами с Соссюром, о чем свидетельствует следующая цитата: “При анализе речи нельзя отделить содержащее, то есть форму, способ – от содержания, то есть значения. Существует взаимосвязанность этих двух аспектов одного явления. Психофизиологический параллелизм остается абсолютным принципом и являет единственное, в чем мы обнаруживаем две стороны. Мысль без формы и форма без мысли больше не интересуют лингвистику. В случае такой операции по разделению для лингвистики уже бы ничего не существовало; сам объект ее исследования был бы уничтожен” [Сеше 2003: 102–103]. Создается впечатление, что имеет место предвосхищение следующего пассажа из “Курса” Соссюра: “В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу... Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено... Звуковая субстанция не является ни более определенной, ни более устоявшейся, нежели мышление” ... “в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии” [Соссюр 1977: 144, 145].

Однако отношение между мыслью и формой Сеше понимает по-другому, чем между содержанием и выражением. “Но если форма и значение неразделимы и для лингвиста соединяются в одно и единое, это можно противопоставить другому элементу языка, природа и роль которого совершенно различны: мы имеем в виду звуки, артикуляторные элементы, одним словом, материю, в которой реализуется эта форма” [Сеше 2003: 103]. Речь, очевидно, идет о различии между абстрактной сущностью и конкретной реализацией, о различии между абстрактным характером содержания и конкретным характером выражения. «Ничто не мешает вместо слова *cheval* “лошадь” вообразить другую комбинацию артикуляторных знаков или даже вообще отказаться от нее и думать только алгебраическими символами, каким-нибудь a или x – абстрактным и общим заместителем некоего знака, в котором реализуется эта идея» [там же: 103–104]. В этой цитате содержится также идея конвенциональности знака, которую Сеше, как и Соссюр, связывал с материальной стороной, а также идея значимости. Хотя, как уже отмечалось, фундаментом теоретической лингвистики Сеше была психология, условность знака он связывал с социологической природой языка: “...он постоянен и условен, и именно он делает возможным взаимную адаптацию говорящих, выражение абстрактных понятий и установление постоянных правил” [там же: 120–121].

Наряду с индивидуальным и социальным принципом классификации лингвистических дисциплин у Сеше выступает различие состояний и эволюций языка, формы и звуковой материи. Теоретическая наука, изучающая эволюцию языка, должна объяснять причины языковых изменений.

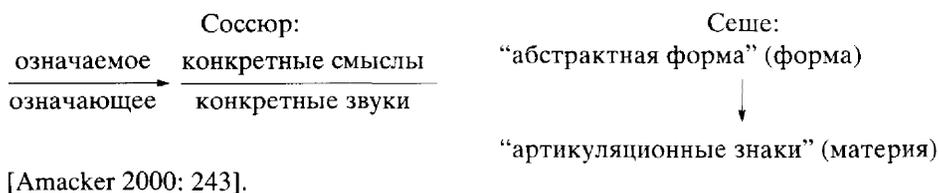
---

² Слово “знак” Сеше употребляет в нескольких, не всегда совместимых значениях: конкретный элемент выражения, двусторонний абстрактный элемент (совпадение со знаком у Соссюра), который он отождествляет с символом.

“Наиважнейшим принципом разделения” Сеше называет “установление и мысль, которая проявляется в этом установлении” [там же: 102]. Для целей анализа Сеше считает нужным рассматривать раздельно форму и ее звуковое выражение: “форма реализуется при посредничестве условных знаков, ...ее можно отделить от материального случайного качества, создающего эти знаки” [там же: 103]. Таким образом, возможно разделить рассмотрение формы и ее материальное выражение обусловлена конвенциональным характером последнего. Речь идет о различии между абстрактной сущностью и конкретным характером выражения, находящимися в отношении асимметрии.

Закономерно, что такой подход привел Сеше к возможности разъединения двух сторон символа. Для Соссюра сочетание мысли со звучащей материей “создает форму, а не субстанцию” [Соссюр 1977: 145], т. е. знак целиком, означающее и означаемое, являются абстрактной формой в языке, и именно эта форма полностью реализуется на двух уровнях выражения и содержания в речи как смысл и как конкретные звуки. А для Сеше форма связана только с содержанием, выражение при этом рассматривается как соответствующая индифферентная материя: “мы допускаем, что существует абстрактная форма организованного языка, которая является самой формой мысли, и есть условные звуки, которые реализуют эту абстрактную форму, подобно тому как геометрическая форма реализуется в каком-нибудь материале” [Сеше 2003: 110]. Можно предположить, что именно эту асимметрию критиковал Соссюр: “Чем больше автор прилагает усилий, чтобы разрушить представляющийся ему незаконным барьер между мыслительной формой и мыслью, он удаляется от собственной цели, которая должна состоять в том, чтобы очертить область выражения мысли, постичь ее законы не в отношении их сходства с общими законами нашей психики, а, напротив, в отношении их специфичности и уникальности, как законы языка” [Соссюр 1990: 168]. Из словаря соссюровской терминологии Р. Энглера можно заключить, что под мыслью Соссюр мог понимать “означающее”, а под формой – “означающее” [Engler 1968: 39, 25].

То, что у Соссюра может рассматриваться как горизонтальное отношение между двумя сторонами абстрактного знака и как их конкретные реализации, Сеше заменяет вертикальным отношением между двумя сторонами символа:

Асимметрия символа привела Сеше к ограничению произвольности только одной стороной языка – означившей: “в грамматике есть установление, то есть произвольный выбор, только там, где надо определить материальное качество слов и знаков, необходимых лексике и грамматическому механизму” [Сеше 2003: 109].

Такая концепция имела следствием выделение двух различных лингвистических дисциплин: общую морфологию – изучение формы в понимании Сеше и науку о звуках. Эти дисциплины в принципе организованы одинаковым образом: “фонология должна быть для материальных конвенциональных элементов языковой формы тем же, чем морфология является для самой формы” [там же: 129]. Таким образом, свой тезис о независимости плана выражения от плана содержания, соотношение которых он рассматривает как простую условность, Сеше переносит и на конкретный язык, тем самым в еще большей мере отдаляясь от Соссюра.

Л. Ельмслев обратил внимание на близость понимания Сеше формы в глоссематике, назвав его одним из первых лингвистов, поставивших вопрос о лингвистике как науке о выражении [Hjelmslev 1928: 79].

Другое следствие асимметрии: Сеше рассматривал двусторонний характер символа как соотношение формы мысли с грамматической формой, а не как соотношение озна-

чаемого с означаемым³: “каким образом можно при помощи артикуляторных символов... построить что-то, что обладало бы связанностью и формой, соответствующими связности и форме мысли?” [Сеше 2003: 124].

Сеше ставил следующие задачи перед теоретической лингвистикой в порядке их усложнения: “Теоретическая наука... может рассмотреть... последовательно различные объекты, которые сами находятся между собой в некотором отношении включения. Сначала она примет во внимание лишь самые общие черты человеческого языка, задастся вопросом о том, какими они должны быть или могут быть, обращая внимание лишь на черты свойственные языку всего человечества... Затем наука... приближается к фактам и рассматривает... этнические группы, ..., показывая, какие грамматические типы им соответствуют... Последним, наиболее четким и конкретным объектом является индивидуальный язык” [там же: 128].

Общая морфология может рассматриваться как с точки зрения состояний, так и с точки зрения эволюций. Поэтому Сеше различает статическую морфологию и эволюционную морфологию. Науку о звуках он также делит на две дисциплины, которые называет фонологией – изучает состояние и фонетикой – исследует трансформации звуков. Сеше делает примечание: “Предлагая эти два термина для различения статической науки о звуках и эволюционной науки, мы придерживаемся терминологии, которую использует в своих лекциях профессор Ф. де Соссюр” [там же: 111].

Вероятно, Сеше имел в виду лекции, которые он посещал в 1891–1893 гг. Сохранившиеся рукописные заметки Соссюра по фонологии относятся к 1891 г. Знакомство с этими идеями Соссюра могло быть дополнено и личными беседами. “Лишь фрагментами благодаря некоторым лекциям, или иногда в личных беседах, его первые ученики (Сеше и Балли. – В.К.) познакомились с его идеями” [Sechehaye 1927: 2].

У Соссюра можно обнаружить два определения фонемы: как конкретной, несводимой единицы, звуковой цепи и как абстракцию звука. Развив второе определение фонемы, Сеше пошел дальше своего учителя, предложив подходы к изучению фонемы, которые, по существу, предвосхитили дальнейшие фонологические исследования.

Сеше предлагал вполне четкое определение фонологической системы: «Всякий язык предполагает *филологическую систему*, то есть совокупность понятий, соответствующих звукам, или... представлений звуков. Фонологическая система составляет часть грамматики языка... Она также образует “форму”..., так как можно представить фонологическую систему в алгебраическом виде⁴ и заменить тридцать, пятьдесят или сто элементов, которые ее составляют, тем же количеством абстрактных символов, которые сохраняют индивидуальность элементов, но не их материальный характер» [Сеше 2003: 130].

Эта формулировка, как справедливо отмечает В.М. Алпатов, предвосхищает дальнейшее развитие фонологии [Алпатов 2003: 15]. Сеше в самом начале XX в. предвосхитил удивительным образом проблематику, получившую развитие лишь через несколько десятилетий в современной фонологии – структурно-функциональные свойства фонем, семиотический характер этой дисциплины, изучение различительных признаков. В фонологическом учении Сеше содержатся и другие идеи, получившие развитие гораздо позже: фономорфологии, а также “двойной операции”, предвосхитившей концепции “двойного членения” А. Мартине и Л. Прието.

По признанию Р. Якобсона, фонологические идеи Сеше оказали влияние на формирование его собственной фонологической концепции. “Отдавая себе отчет в том, что

³ Следует заметить, что даже популяризируя положения учения Соссюра, Сеше избегал термины “означающее” и “означаемое”. Он использовал слово “знак” для обозначения выражения и “понятие” – для содержания. “Как звуковые знаки языка, так и понятия, которые они представляют, существуют только в силу различий, которые можно констатировать между звуковыми знаками, с одной стороны, и понятиями, – с другой” [Sechehaye 1917: 16].

⁴ Сравнение с алгеброй, возможно, восходит к Соссюру: “Язык – это, так сказать, такая алгебра, где имеются лишь сложные члены системы” [Соссюр 1977: 154].

“мы еще очень далеки от понимания всех явлений в области фонологии”, Сеше в своей работе ясно показал, что зародилась новая научная дисциплина, указал на ее путь и дал ей название – “фонология”, которое вскоре получило широкое распространение, и этим названием пользуемся и мы” [Якобсон 1985: 55]. Р. Годель отмечает, что главы XI и XII работы Сеше содержат совершенно новые взгляды на фонологию как на “изучение звуков организованной речи и являются весьма близкими к определению фонологии в американской дескриптивной лингвистике” [Godel 1957: 166–167].

Эволюционную морфологию Сеше считал первичной по отношению к фонетике, поскольку “изменение языка, рассматриваемого с фонетической точки зрения, представляет собой более конкретное явление, чем морфологическая эволюция, затрагивающая значения и способы выражения” [Сеше 2003: 137].

Сеше исключает возможность того, чтобы морфологическое явление сопровождалось фонетическим преобразованием: “форма существует вне связи с качеством звуков, и потому совершенно независима”. “...причины и законы, которым подчиняются явления морфологической эволюции, находятся в пределах того, что составляет форму, и, следовательно, эти явления не зависят от фонетических изменений” [там же: 145, 147]. Таким образом, эволюционная морфология, в понимании Сеше, – формальная наука.

Сеше различает два вида фонетических изменений: скачкообразные и постепенные. Первые изменяют фонологические элементы, из которых состоит слово, но не затрагивают фонологической системы. Вторые приводят к изменению фонологической системы, не влияя на состав слов. Среди скачкообразных изменений он особо выделяет аналогические. “Они связаны с мыслительной операцией, которую можно сравнить с вычислением четвертого члена пропорции” [там же: 155]. Это понятие фигурирует и в “Курсе” Соссюра [Соссюр 1977: 195]. Можно предположить, что с этим видом аналогии Сеше познакомился на лекциях Соссюра по сравнительной грамматике индоевропейских языков в 1891–1893 гг.

Сеше построил систему эволюционных дисциплин на основе своего принципа включения и предложил программу их исследований. В задачу эволюционной морфологии входит изучение происхождения символа, связанного с гетерогенными отношениями между говорящим и слушающим. Роль слушающего у Сеше выступает как главенствующая: “Каждый раз, когда символ использовался одним собеседником и должен был быть принят другим, мог осуществиться акт бессознательного нововведения, заключающийся в том, что символ, воспринятый и усвоенный слушающим, не вполне идентичен символу, которым воспользовался говорящий” [Сеше 2003: 177].

Обращение символов, т. е. знаков, очень напоминает “речевую цепочку” Соссюра [Соссюр 1977: 49–50], но с существенной разницей. Для Соссюра говорящий и слушающий полностью идентичны, в то время как Сеше постоянно говорит об асимметрии между ними.

Трансформация символа у Сеше проходит два этапа: индивидуальный и апробацию языковым коллективом: “каждая индивидуальная модификация такого рода, пущенная в обращение, предлагалась на суд коллектива, который отвергал или принимал ее, подобно тому как он отвергает или принимает рождающийся символ” [Сеше 2003: 177]. Такой индивидуально-социальный подход способен, по мнению Сеше, объяснить изменение значения.

Сеше возражал против существовавшего в его время узкого понимания семантики (восходившего к М. Бреалу. – В.К.) как изучение “жизни слов” и ставил перед ней задачу исследовать значения символов. Однако семантику не следует смешивать с эволюционной морфологией. Различие между ними в том, что семантика изучает простой способ выражения, эволюционный синтаксис – сложный способ выражения. Таким образом, Сеше, по существу поставил вопрос о разработке синтаксической семантики.

В соответствии с принципом включения теоретическая лингвистика Сеше состоит из семи дисциплин:

- I. Наука об аффективном языке (1) (Индивидуальная психология).
- II. Наука об организованном языке (Коллективная психология).
  - 1°. Статические дисциплины.
    - A. Статическая морфология (2).
    - B. Фонология (3).
  - 2°. Эволюционные дисциплины.
    - A. Эволюционная морфология.
      - a) Семантика (4).
      - b) Эволюционный синтаксис (5).
    - B. Фонетика.
      - a) Наука о фонологических воздействиях (6).
      - b) Собственно фонетика (7).

В современной ему лингвистике более или менее разработанными Сеше называл только дисциплины первой группы. Перед теоретической лингвистикой стоит задача построить морфологические дисциплины: статическую морфологию и эволюционный синтаксис.

Ранняя работа А. Сеше “Программа и методы теоретической лингвистики” сохраняет свое значение для истории языкознания не только потому, что многие ее идеи предвосхищают положения “Курса” Соссюра, но и новизной для своего времени постановки методологических задач науки о языке. При этом Сеше стремился опереться на достижения смежных наук – психологии, логики и физиологии. В отличие от распространенного в то время, восходящего к младограмматизму, определения лингвистики как науки о фактах, локализованных во времени и пространстве, Сеше определял лингвистику как законоустанавливающую науку и помещал ее на пересечении естественных и гуманитарных наук. В качестве физиологического явления язык относится к естественным наукам, а как проявление психического – к гуманитарным, в первую очередь, к психологии. Сеше разработал схему вхождения одних лингвистических дисциплин в другие, более общие, что позволило ему представить иерархию разных разделов лингвистики и разработать программу для каждого из них. Эта классификация не привилась за исключением фонологии, понимание которой Сеше, как показано выше, было близко современному.

Сеше сформулировал, правда, часто в психологической терминологии соотношение в языке социального и индивидуального, абстрактного и конкретного, статики и динамики. Причем некоторые стороны этих дихотомий рассматривались им глубже, чем в учении Соссюра.

Сеше разработал определение грамматики как науки об общей организации языка, понимая грамматику, так же как и Соссюр, как описание языка в синтагматике и парадигматике, включая лексикологию и морфологию. Сеше добавил к этому фонологию⁵. “Грамматика для нас – все, что касается организации языка, звуков, лексики, синтаксиса. В грамматике мы отдаем предпочтение той ее части, в которой рассматривается комбинация знаков” [Sechehaye 1908: 4]. Таким образом, до выхода “Курса общей лингвистики” Сеше выдвинул понятие языка как системы, основанной на взаимосвязанности элементов. В работе Сеше можно обнаружить постановку вопросов, являющихся предметом рассмотрения современной лингвистики, например, когнитивный подход к частям речи [Сеше 2003: 196]. Понимание частей речи как коррелятов мыслительных категорий получило развитие в его работе “Очерк логической структуры предложения” [Sechehaye 1926].

---

⁵ Составной частью грамматики считали фонологию И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.С. Трубецкой. Фонетику как особую языковедческую дисциплину, смежную с грамматикой и лексикологией, рассматривали Л.В. Щерба и В.В. Виноградов.

Сеше ставил перед теоретической лингвистикой сверхзадачу – установить универсальные законы, объясняющие причины языковых преобразований. Следует заметить, что хотя прошло чуть менее 100 лет со времени публикации работы Сеше, эта задача далека от своего решения. Для этого требуется проведение крупномасштабных работ на материале большого количества языков разных семей. Видимо, это имел в виду Соссюр в своей рецензии: “Всякое исследование, которое затрагивает самые основы языковой деятельности, когда оно сопровождается последовательной методологической работой и в то же время характеризуется *глубоким знанием языков* (курсив наш. – В.К.), заранее заслуживает большого уважения...” [Соссюр 1990: 166].

Сама же постановка проблемы Сеше, очевидно, восходит, с одной стороны, к французским традициям всеобщей универсальной грамматики, а с другой, – к Соссюру. Как свидетельствуют заметки по общей лингвистике, Соссюр еще в 1891 г. настаивал на необходимости тщательного изучения *языков*, без чего любая лингвистическая теория будет тщетной, и на тесной связи подобных исследований с установлением общих законов [Godel 1957: 179–180]. Что касается обобщений, они возможны как на основе синхронных, так и эволюционных фактов. Он был склонен к тому, что наиболее важные общие законы будут выведены на основе изучения состояний языков. Это будут панхронические законы. Следовательно, мысль Соссюра удивительным образом совпадает с изложением задачи теоретической лингвистики Сеше.

Немало упреков было высказано в адрес Ш. Балли и А. Сеше по поводу знаменитой заключительной фразы “Курса”: “единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя”. Балли, слушавший некоторые лекции Соссюра, настаивал, что именно этими словами Соссюр обычно заканчивал свои лекции. По этому поводу он даже специально написал письмо Л. Ельмслеву. Оно было опубликовано в “Трудах Копенгагенского лингвистического кружка” [Travaux du Cercle linguistique de Copenhague. V. XII. 1959: 24]. Однако это заключение, ставшее знаменем крайних направлений структурализма, не фигурирует в студенческих записях лекций Соссюра и не обнаружено Р. Годелем в рукописных источниках “Курса”. Он пришел к выводу, что эта заключительная фраза была добавлена издателями. Если это так, то с высокой долей вероятности можно предположить, что ее формулировка принадлежит Сеше. В свете вышесказанного под “языком” следует понимать, с одной стороны, каждое из необходимых состояний конкретного языка, с другой, – совокупность общих законов, касающихся языка вообще, которые можно установить на основе данных многих языков. Таким образом, заключительную фразу “Курса” можно было бы переформулировать следующим образом: истинным объектом лингвистики являются языки и язык. “Если стать на эту точку зрения, – пишет Гodelь, – диахроническое исследование должно следовать за синхроническим, а не предшествовать ему; при условии, что последнее рассматривается как эволюция систем” [Godel 1957: 181]. Именно на этом настаивал Сеше. В этом свете заключительную фразу “Курса” следует воспринимать не в плане сужения предмета лингвистики, в чем упрекали Соссюра, а в плане его расширения.

Возникает закономерный вопрос: почему работа А. Сеше “Программа и методы теоретической лингвистики”, предвещающая практически все основные положения учения Соссюра и в ряде случаев даже предлагающая более последовательное решение теоретических проблем, не вызвала должного резонанса ни после публикации, ни позже. В.М. Алпатов выдвигает на этот счет несколько гипотез: 1) в отличие от Соссюра Сеше в 1908 г. не был известен как ученый, 2) новизну идей Сеше затмил психологизм, нередко архаичная терминология, усложненный, иногда трудный для восприятия стиль изложения, 3) работа Сеше опередила свое время. Его современники оказались не подготовленными к ее восприятию. В отличие от работы Сеше положения Соссюра в “Курсе” изложены ясно, четко, логично и последовательно [Алпатов 2003: 16–17].

Следует также обратить внимание на то, что исходные принципы выделения дихотомий у Сеше и Соссюра различные: у Соссюра семиологический и лингвистический, у Сеше – преимущественно психологический и логический. К этому следует добавить, до-

стойную уважения, научную скромность Сеше, который в отличие от труда своего учителя практически ничего не делал для пропаганды и популяризации своей работы. В результате, по выражению В.М. Алпатова, Сеше оказался “в тени” Соссюра, он даже говорит о “драматизме” научной судьбы ученого [там же: 17]. С последним утверждением можно согласиться только до определенной степени.

Нельзя сказать, что работа Сеше оказалась совершенно незамеченной. Многие известные лингвисты – современники Сеше – Ш. Балли, А. Навиль, А. Мейе, К. Фосслер с похвалой отозвались о работе Сеше. Она была отмечена в 1909 г. престижной премией Амиеля⁶. Хорошо знал и часто цитировал работу Сеше Л. Ельмслев, указывавший, что ряд идей Сеше стимулировал разработку его лингвистической концепции. А позднее В. Матезиус отмечал, что “Программа и методы теоретической лингвистики” – одно из первых и последовательных изложений доктрины Женевской школы, а размышления автора о фонологии послужили отправным пунктом для разработки его фонологической терминологии. О признании научных заслуг Сеше в области современной фонологии свидетельствует текст следующей телеграммы, направленной ему участниками Международной фонологической конференции (Прага, 21 декабря 1930 г.): “...наметив основные направления исследований в области фонологии, участники конференции приветствуют в Вашем лице одного из основателей новых методов в лингвистике”. Таким образом, А. Сеше, наряду с И.А. Бодуэном де Куртенэ, принадлежит приоритет в создании современной фонологии.

Самое главное, на наш взгляд то, что работу Сеше можно рассматривать как своего рода “репетицию” написания “Курса” Соссюра. Р. Якобсон точно подметил, что Сеше в своей книге “один из первых четко сформулировал и развил положения соссюрской доктрины” [Якобсон 1985: 54]. Именно благодаря этой работе он оказался хорошо подготовленным к этой миссии.

Большой интерес вызывает также предположение В.М. Алпатова: «когда книга Сеше вышла, его учитель, наконец, решился обнародовать (хотя бы устно), свои наиболее нетрадиционные идеи: ему надо было и “застолбить” их, и высказать свое несогласие с учеником по ряду вопросов» [Алпатов 2004: 70].

Многие положения, впервые сформулированные Сеше в его ранней работе, получили продолжение и развитие в его последующих широко известных в мировой лингвистике работах “Три соссюрские лингвистики” и “Очерк логической структуры предложения”. Поэтому научный приоритет Сеше должен быть восстановлен. Несомненно, В.М. Алпатов прав в том, что “в наши дни, когда установленные Ф. де Соссюром и его последователями ограничения потеряли силу, можно не только объективно рассмотреть место А. Сеше в истории лингвистики, но и оценить должным образом его концепцию с позиций сегодняшнего дня. Многие вопросы, им поставленные, и сейчас не решены лингвистикой, оставаясь актуальными” [Алпатов 2003: 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2003 – В.М. Алпатов. Альбер Сеше и история лингвистики // А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003.
- Алпатов 2004 – В.М. Алпатов. Рец. на: В.Г. Кузнецов. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. М., 2003 // НИАН СЛЯ. 2004. Т. 63. № 4.
- Ельмслев 1965 – Л. Ельмслев. Язык и речь // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Сеше 2003 – А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М., 2003.
- Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.

⁶ Анри Амиель (Henri Amiel) (1821–1881) – швейцарский писатель, писавший свои произведения на французском языке.

- Соссюр 1990 – *Ф. де Соссюр*. Наброски рецензии на книгу А. Сеше // *Ф. де Соссюр*. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Шор 1927 – *Р.О. Шор*. Кризис современной лингвистики // *Яфетический сборник*. Вып. 5. 1927.
- Шухардт 1950 – *Г. Шухардт*. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Якобсон 1985 – *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Amacker 2000 – *R. Amacker*. Le développement des idées saussuriennes chez Bally et Sechehaye // *Historiographia linguistica*. XXVII. № 3. 2000.
- Bally 1913 – *Ch. Bally*. Ferdinand de Saussure et l'état actuel des études linguistiques. Genève, 1913.
- Engler 1968 – *R. Engler*. Lexique de terminologie saussurienne. Utrecht; Anvers, 1968.
- Godel 1957 – *R. Godel*. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève; Paris, 1957.
- Hjelmslev 1928 – *L. Hjelmslev*. Principes de grammaire générale. København, 1928.
- Naville 1901 – *A. Naville*. Nouvelle classification des sciences. Études philosophiques. 2-e éd. P, 1901.
- Sechehaye 1902 – *A. Sechehaye*. Der Konjunktiv Imperfekt und seine Konkurrenten in den normalen hypothetischen Satzgefügen im Französischen. Inaugural – Dissertation. Göttingen, 1902.
- Sechehaye 1908 – *A. Sechehaye*. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage. Paris ; Genève, 1908.
- Sechehaye 1917 – *A. Sechehaye*. Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle // *Revue philosophique*. T. 83. № 7. 1917.
- Sechehaye 1926 – *A. Sechehaye*. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926.
- Sechehaye 1927 – *A. Sechehaye*. L'école genevoise de linguistique générale // *Indogermanische Forschungen*. Bd. XLIV. 1927.
- Sechehaye 1942 – *A. Sechehaye*. De la définition du phonème à la définition de l'entité de langue // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. № 2. 1942.
- Wunderli 1976 – *P. Wunderli*. Saussure als Schuler Sechehaye? // *Amsterdam studies in the theory and history of linguistics*. V. 9. Amsterdam, 1976.